

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»

Изучается эволюция понятия «преступления против человечности» в международно-правовых актах от Устава Нюрнбергского военного трибунала 1945 г. до Статута Международного уголовного суда 1998 г. Проводится краткий экскурс в историю появления первых международных военных трибуналов, рассматривавших дела об ответственности физических лиц за совершение международных преступлений. Называются квалифицирующие признаки состава преступлений против человечности, анализируется вопрос о соотношении данной категории преступлений с преступлениями геноцида.

Ключевые слова: преступления против человечности; международные трибуналы и уголовные суды; геноцид.

Существовавшее в классическом международном праве право государства на войну как на средство разрешения международных споров (*jus ad bellum*) не предполагало придания правового значения термину «преступления против человечности». Одно из первых упоминаний об этом вопросе, встречающихся в международно-правовых документах, содержится в IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907 г.) и более известно как «оговорка Мартенса»: Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания.

Первый судебный процесс над военным преступником, как отмечает Э. Греппи [1. С. 205], состоялся в 1474 г. над Петером фон Хагенбахом. Эрцгерцог австрийский, во власти которого оказался взятый в плен Хагенбах, приказал провести судебный процесс над кровавым губернатором. Вместо того чтобы передать дело в обычный суд, создали специальный военный суд, состоявший из 28 судей союзной коалиции государств и городов. Учитывая состояние дел в Европе в то время – Священная Римская империя распалась в такой степени, что отношения между ее составными частями вполне можно было назвать международными, а Швейцария обрела независимость (хотя и не признанную формально), – можно заключить, что созданный орган был самым настоящим военным судом [Там же. С. 206].

Огромные масштабы Первой мировой войны 1914 г., охватившей Европу, не могли не отразиться на международном праве, а разбойничьи методы ее ведения вызвали требования мировой общественности о наказании виновников войны. В итоге первые положения об ответственности физических лиц за нарушение мира и превращение государства в орудие тяжчайших военных преступлений появились в Версальском мирном договоре, подписанном 28 июня 1919 г. [2. С. 10]. Однако поскольку как договор, так и заключенные в его развитие соглашения не содержали четких формулировок ни состава преступления, ни мер наказания за него, а принцип ответственности за агрессию еще не вошел в международное право, Вильгельм II и другие виновники войны остались безнаказанными [3. С. 148].

Версальский договор от 28 июня 1919 г. в ст. 228 и 229 устанавливал право союзных держав подвергать суду и наказанию отдельных лиц, ответственных за

нарушение законов и обычаев войны. Для случаев, когда лицо виновно в совершении преступных деяний против граждан более чем одной из союзных и действующих совместно с ними держав, предусматривалась возможность учреждения международного трибунала [1. С. 207]. 11 ноября 1918 г. была образована Союзническая комиссия для установления ответственности «военных преступников» (данный термин был использован впервые). Согласно ст. 227 Версальского договора кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна предлагалось привлечь к ответственности за наиболее тяжкое преступление против международной морали и ненарушаемости договоров. Решено было основать специальный трибунал, состоящий из судей, назначаемых Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Италией и Японией для судебного преследования обвиняемых. В ст. 227 было сказано, что в своем решении трибунал будет руководствоваться высшими побуждениями международной политики, действуя во имя защиты священных международных обязательств и поддержания международной морали [1. С. 209].

Указанные предложения не были воплощены в жизнь: кайзер спасся бегством в Нидерландах, которые отказались его выдать, а те немногие из военных преступников (в первоначальном списке было 935 фамилий, после долгих переговоров их число сократилось до 45), которые подверглись судебному преследованию, были или оправданы, или получили чисто символическое наказание. Отдельные обвиняемые предстали перед судами Германии, которые вынесли им лишь мягкие приговоры, другие вообще не были переданы судам иностранных государств для проведения процесса над ними – это противоречило духу договора [4. С. 10–11]. Было рассмотрено только 12 дел, причем в шести случаях обвиняемые были оправданы, судил их Верховный суд Германии [5. С. 160].

Вторая мировая война как одно из проявлений германского национал-социализма заставила международное сообщество задуматься о последствиях, к которым может привести незащищенность личности в государстве. Необходимы были правовые нормы, которые предусматривали бы ответственность как государств, так и отдельных лиц за преступления против человеческого достоинства, пытки и массовые убийства.

С момента принятия Устава Организации Объединенных Наций в 1945 г. международное сообщество постепенно вывело сферу защиты прав и свобод человека из-под сугубо внутригосударственного контроля. В настоящее время сообщество государств и международное право обладают приматом в данных вопросах.

В частности, это касается международной уголовной ответственности индивидов.

Словосочетание «преступления против человечности», как отмечает Э. Давид, употребляется для обозначения «некоторых тяжких насильственных действий, совершаемых в широких масштабах людьми, независимо от того, являются ли они представителями государства, в ущерб другим людям, как правило, преимущественно в политических, идеологических, расовых, национальных, этнических или религиозных целях» [6. С. 537].

Первый шаг в этом направлении был сделан 8 августа 1945 г., когда четыре союзные державы – СССР, США, Великобритания и Франция подписали Лондонское соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран “оси”», приложением к которому был Устав Международного военного трибунала. Статья 6 Устава определяла категории преступлений, за совершение которых Трибунал имел право судить и наказывать любых лиц или группы. К ним относились военные преступления, преступления против мира и безопасности и преступления против человечности. Именно последняя категория (*crimes against humanity*) вызвала наибольшие сложности в правильной квалификации. Дело в том, что само определение преступлений против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Более подробным и действенным документом, касающимся вопросов судебного преследования и наказания главных преступников Второй мировой войны, был Закон № 10 Контрольного совета от 10.12.1945 г. [6. С. 537–538]. Закон был принят Союзным контрольным советом – органом, осуществлявшим законодательные функции на территории Германии после окончания военных действий. Этот Закон определил преступления против человечности как злодеяния и преступления, в том числе убийства, истребление, порабощение, депортация, лишение свободы, пытки, изнасилование, а также другие бесчеловечные действия по отношению к гражданскому населению, или преследование по политическим, расовым или религиозным соображениям, вне зависимости от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет, и другие преступления. Даже беглое сравнение двух формулировок демонстрирует, что статья 13 Закона включает подробный перечень деяний, которые могли быть квалифицированы как преступления против человечности и, кроме того, оставляет перечень этих деяний открытым. Данный Закон конкретизировал содержание ст. 6 Устава международного военного трибунала и позволил выйти за рамки его судебной практики. На мой взгляд, не совсем верна точка зрения, которая определяет Закон № 10 как документ в большей степени националь-

ный, а потому не столь обязывающий для международного права и международных трибуналов. В данном случае необходимо учитывать тот факт, что Германия в тот исторический момент обладала скорее не статусом государства – субъекта международного права, а статусом субъекта особого рода, объяснявшимся правовыми взаимоотношениями союзных держав в оккупационных зонах. Рассматривая правовое положение Германии с этой позиции, сложно говорить о том, что Закон № 10, принятый Союзным контрольным советом, состоявшим из командующих четырех оккупационных зон, является в полном правовом смысле актом внутригосударственного права. Ш. Бассиони отметил эту неоднозначность: «Противоречие здесь очевидно, так как этот закон, задуманный как национальный, применение которого было территориально ограничено, проистекал из международного права...» [8. С. 288–338].

В соответствии с толкованием самого Трибунала данные деяния будут квалифицироваться как преступления против человечности, только если они совершались в связи или с целью совершения военных преступлений или преступлений против мира и безопасности. С другой стороны, это не означает, что аналогичные преступные деяния, совершенные до 1939 г., не могли бы расцениваться как преступления против человечности, поскольку все сводится к причинной связи (*causal nexus*) между деянием и войной.

Что же касается международного обязывающего характера данных положений в целом, то нельзя забывать о том, что Устав Международного военного трибунала 1945 г., как и иные уставы международных трибуналов, документы единовременного характера, определяющие правовой статус судебного органа, созданного для конкретной цели, а потому вряд ли могут толковаться так расширительно.

Тем не менее, недооценивать значение этих документов было бы неверно – они стали не только одними из первых документов, устанавливающих ответственность за преступления против человечности для индивидов и государств, виновных в совершении подобных деяний, но и продемонстрировали готовность международного сообщества совместно бороться с наиболее тяжкими для человечества проявлениями тоталитарных режимов.

В 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН поручила Комиссии международного права обобщить принципы международного права, сформулированные в решениях Нюрнбергского трибунала и в его Уставе, а также подготовить проект Кодекса преступлений против мира и безопасности. В связи с определенными причинами, приостанавливавшими работу Комиссии, было подготовлено три проекта, в 1954, 1991 и 1996 гг., которые отнесли к преступлениям против человечности: одно из следующих действий, совершаемых систематически или массово, а также по подстрекательству или под руководством государства, организации или группы лиц: а) убийство; б) истребление; в) пытки; г) порабощение; е) преследование на основании политических взглядов, расовой, религиозной или национальной принадлежности; ф) институционализированная дискриминация на основании расовой, религиозной или национальной принадлежности, включающая нарушение

основных прав и свобод человека, что ставит в крайне невыгодное положение часть населения; г) произвольная депортация или насильственное перемещение населения; h) произвольное лишение свободы; i) принудительное исчезновение людей; j) изнасилование, принуждение к проституции и другие формы сексуального посягательства; k) другие бесчеловечные действия, наносящие значительный ущерб физическому и психическому состоянию человека, его здоровью и достоинству, как, например, нанесение увечий и тяжких телесных повреждений.

Формулировка, охватывающая в том числе и преступления против человечности, содержится в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.). Преступления против человечества, «независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи ООН, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены» [9. С. 36]. Данная формулировка, безусловно, шире традиционной, поскольку включает в содержание деяния преступление геноцида.

Рассматривая вопрос о правовой регламентации преступлений против человечности, нельзя не упомянуть о международных уголовных трибуналах – по бывшей Югославии и по Руанде. Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, принятый Советом Безопасности ООН в 1993 г., определяет преступления против человечности в ст. 5 практически полностью повторяя формулировку проекта, разве что в более сжатом варианте и без указания на подстрекательство со стороны правительства, организации либо группы лиц: «...преступления, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, международного или внутреннего характера, и направлены против любого гражданского населения: а) убийства; b) истребление; c) порабощение; d) депортация; e) заключение в тюрьму; f) пытки; g) изнасилования; h) преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам; i) другие бесчеловечные акты» [7. С. 160–161]. Остается и «привязка» данной категории преступлений к вооруженным конфликтам. Однако уже при рассмотрении дела Тадича Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии конкретизировала, что одним из установленных правил международного обычного права в настоящее время является то, что преступления против человечности «не требуют доказательства их связи с вооруженным конфликтом» [10. С. 73. § 141].

С этой точки зрения удачнее формулировка Устава Международного уголовного трибунала по Руанде,

которая в ст. 3, называя обычный перечень деяний, устанавливает ответственность в тех ситуациях, когда они совершаются в рамках широкомасштабного и систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам.

В отличие от соответствующих положений в Уставе Трибунала по бывшей Югославии, вышеприведенное определение не оговаривает необходимости наличия вооруженного конфликта для наступления ответственности. С другой стороны, последняя формулировка ставит наступление ответственности и саму квалификацию преступности деяния в зависимость от четко и, судя по всему, исчерпывающе перечисленных мотивов нападений на гражданское население – это национальные, политические, этнические, расовые или религиозные преследования.

Наиболее развернутая формулировка состава преступлений против человечности содержится в Статуте Международного уголовного суда, в ст. 7, где совершенно четко представлены все четыре критерия, позволяющие ограничивать квалификацию преступлений против человечности от общеуголовных деяний: 1) тяжесть, обусловленная объектом преступления – жизнь, здоровье человека и его физическая неприкосновенность в массовом масштабе; 2) массовый характер, обусловленный многочисленностью жертв; 3) наличие согласованного плана, то есть осознанность совершаемых действий и 4) мотивы, развернутый перечень которых определен в п. 2 данной статьи [7. С. 207–208].

Ю.С. Ромашев, анализируя состав преступлений против человечности, полагает, что выделение преступлений геноцида в отдельный состав в большинстве международных соглашений, регламентирующих данный вопрос, есть не что иное, как некоторое несоответствие в классификации преступлений [11. С. 33].

Думается, что ситуация в большей степени обусловлена историческими обстоятельствами и юридической необходимостью. В момент принятия Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него в 1948 г. формулировка преступлений против человечности имела четкую привязку к вооруженным конфликтам. Выделение преступлений геноцида в отдельную категорию позволило установить ответственность за совершение преступлений в тех случаях, когда вооруженный конфликт либо отсутствовал, либо его квалификация была невозможна.

В настоящее время преступления геноцида включаются в общее понятие преступлений против человечности (выделение отдельной статьи в договорах, посвященной преступлениям геноцида, не противоречит этому факту). Есть, однако, и другая сторона вопроса. В самой Конвенции 1948 г. содержится четкая формулировка, что действия, признаваемые преступными «совершаются с намерением уничтожить...» [9. С. 10].

Таким образом, в случае если «намерение уничтожить» не доказано из конкретных обстоятельств дела, остается шанс, что данные действия могут быть квалифицированы как преступления против человечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грети Э.* Личная уголовная ответственность в международном праве: эволюция понятия // Международный журнал Красного Креста. 1999. № 833. С. 203–230.
2. *Каюмова А.Р.* Международное уголовное право (Становление и современные тенденции развития). Казань, 1998. 95 с.
3. *Трайнин А.Н.* Защита мира и уголовный закон. М., 1969. 429 с.
4. *Флорес Х.-Л.-Ф.* Пресечение нарушений права войны, совершаемых отдельными лицами // Пресечение нарушений международного гуманитарного права : сб. ст. М., 1998. С. 5–72.
5. *Марусин И.С.* Международные судебные учреждения и их роль в защите жертв вооруженных конфликтов // Российский ежегодник международного права : спец. выпуск. СПб., 2001. С. 159–163.
6. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М. : МККК, 2000. 720 с.
7. *Международное уголовное право* : в 2 т. / сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. Казань : Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. Т. 2. 630 с.
8. *Bassiouni Ch.* Crimes against Humanity in International Criminal Law. Dordrecht, Nijhoff, 1992. 820 p.
9. *Международное уголовное право* : в 2 т. / сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. Казань : Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. Т. 1. 528 с.
10. *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Prosecutor v. Duško Tadić – Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction.* 1995. 2 October.
11. *Ромашев Ю.С.* Международное правоохранительное право. М. : Норма ; Инфра-М, 2010. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 января 2012 г.